

Л. Ф. Лебедева⁴

США И НОВЫЕ КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Современные международные отношения характеризуются фундаментальными изменениями на всех уровнях и по всем направлениям взаимодействия — военно-политическим, социально-культурным, информационным, финансовым, торгово-экономическим. Трансформации подверглись сложившиеся к началу текущего столетия основы и принципы мироустройства, переставшие отвечать новым вызовам. «Еще недавно воспринимавшаяся как неизбежность вестернизация почти повсеместно сменяется подъемом регионализма и традиционализма. При этом влияние незапад-

ных стран неуклонно возрастает»⁵. Да и сам Запад уже не столь един в понимании приоритетов, ценностей, вопросов безопасности и становится более полицентричным.

Масштабы и характер происходящих перемен размывают контуры глобальной экономики. Формирование новых центров и новых факторов экономического роста сопровождается перераспределением позиций национальных экономик; активизацией как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов; изменениями в политических установках; пересмотром задач и инструментов их достижения в странах мира, в том числе в ведущих мировых державах.

Перелом в подходах к решению глобальных вопросов, выстраиванию отношений с другими странами, выбору формата международных соглашений произошел и в США. Знаменательно, что критика характера и последствий глобализации, заявления о приоритете национальных интересов прозвучали непосредственно из Соединенных Штатов — генератора либеральной модели глобализации. Дональд Трамп одержал победу на президентских выборах, пообещав «вернуть Америке величие», провозгласив курс на возвращение рабочих мест, защиту внутреннего рынка, репатриацию капитала в США, модернизацию торговых отношений, развитие инфраструктуры, регулирование вопро-

⁴ Руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века», «США: государство и социальная политика», «Бюджетные приоритеты США», «США: государство–человек–экономика: региональное измерение», «США: государство и социальное обеспечение», «Приоритеты научно-технологической политики США», «Государство и развитие человеческого потенциала в конце XX — начале XXI в.», «Позиции США в международной торговле на новом этапе глобальной конкуренции», «Федеральный бюджет в период президентства Барака Обамы» (отв. ред.) и др. Член редакционных советов журналов «Международная торговля и торговая политика»; «США–Канада: экономика, политика, культура», «Россия и Америка в XXI веке».

⁵ *Запесоцкий А. С.* Борьба США за контроль над Евросоюзом // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 100.

сов, связанных с иммиграцией. С приходом к власти он не стал медлить с реализацией своей программы.

Ревизия Трампом наследия его предшественника затронула как внутреннюю, так и внешнюю составляющие политики. Результаты таких перемен могут превзойти и ожидания, и представления о возможных рисках. Указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) новый хозяин Белого дома подписал сразу после инаугурации, перечеркнув тем самым одно из наиболее значимых, с точки зрения Барака Обамы, достижений за два срока его президентства. Все усилия по формированию мегаблоков — Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), переговоры по которому зашли в тупик, и подписанию Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, принятые предыдущей администрацией, оказались не соответствующими «стратегическим торгово-экономическим интересам США».

Администрация Обамы активно продвигала ТТП как «всеобъемлющее и соответствующее высоким стандартам» соглашение, призванное укрепить позиции США в регионе. Спустя 8 лет после начала переговорного процесса, в феврале 2016 года, представители 12 стран¹ подписали Соглашение о ТТП, но его еще предстояло ратифицировать. Предполагалось, что создание ТТП со странами, на которые приходится около 45 % американского товарного экспорта и 37 % импорта, расширит зону установления американских стандартов, и не только в вопросах торговли. Не стоит забывать и о том, что Соглашение о ТТП должно было стать одним из инструментов «сдерживания» Китая. С отказом США от участия в ТТП и переходом к другому формату взаимоотношений в регионе ожидается корректировка политики на уровне стран и их объединений. Это в полной мере относится и к проекту (с Китаем в роли ключевого игрока) «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (*Regional Comprehensive Economic Partnership*)², для которого открылись новые перспективы.

Что же касается двусторонних торговых отношений между США и Китаем, то в предвыборной программе республиканцев четко отражена обеспокоенность масштабами китайского импорта; тем, что Китай проводит «политику валютного манипулирования, не допускает американские товары в систему государственных закупок продукции и продолжает субсидировать китайские компании»³. Действительно, ежегодный объем китайского импорта достиг около 0,5 трлн долларов (499,2 млрд долл. в 2015 г.), а торговый дефицит с Китаем — 334 млрд долларов, или 2/3 общего торгового дефицита США.

Дефицит торгового баланса — явление для США не новое. Американская внешняя торговля десятилетиями (с начала 1970-х гг.) характеризуется превыше-

нием импорта над экспортом. Сегодня от проводимой США политики и состояния американского рынка, поглощающего импортируемые товары и услуги в объеме 2,76 трлн долларов (2015), зависит немало других национальных экономик. Соединенные Штаты, поддерживающие внешнеторговые отношения более чем с 230 странами и территориями мира, с внешнеторговым оборотом, превышающим 5 трлн долларов, и до президентства Трампа использовали широкий арсенал средств ограничения импорта и экспорта, исходя из национальных интересов. Но крутой поворот в подходах к смене формата соглашений, к выбору инструментов защиты внутреннего рынка усиливает и без того высокую неопределенность в международных экономических отношениях.

Диапазон расхождений в интерпретации масштабных инициатив Трампа очень широк и внутри Соединенных Штатов, и за их пределами. Многие эксперты вспомнили даже период политики жесткого протекционизма, когда в рамках принятого в США в 1930 году Закона Смута–Хоули о тарифах (*The Smoot–Hawley Tariff Act*) были резко увеличены тарифные ставки на импортируемую продукцию, что вызвало ответные меры торговых партнеров с соответствующими последствиями для состояния мировой торговли и экономического развития.

Однако более вероятным сценарием представляется расширение производственной деятельности иностранных компаний в Соединенных Штатах, как это произошло в ответ на протекционистские меры США в середине 1970-х годов. Именно такая реакция последовала со стороны Японии как на правительственном уровне, так и на уровне ведущих компаний, после отказа США от участия в ТТП, заявлений Трампа о необходимости защиты американского рынка, с одной стороны, и об упрощении процесса ведения дел для тех, кто будет заниматься производством на американской территории, — с другой. Уже в начале февраля 2017 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ подтвердил важность экономических аспектов двусторонних отношений между Японией и США и готовность реализовать совместные инфраструктурные проекты на территории США, которые могут обеспечить создание там около 700 тыс. новых рабочих мест.

О дальнейшем наращивании производства автомобилей на американском рынке тогда же заявил и президент крупнейшей японской автомобилестроительной компании Акио Тойода. На десяти заводах компании «Тойота мотор» производится свыше половины ее продукции, реализуемой на американском рынке, и эту долю предстоит увеличить. Всего на предприятиях японских компаний в США, многие из которых основали производство на территории Соединенных Штатов еще в прошлом веке, занято 840 тыс. человек — в 2,5 раза больше, чем на предприятиях американских компаний в Японии⁴.

Защита американских производителей по методу Дональда Трампа, безусловно, может способствовать поддержке отраслей промышленности, доля которых

¹ Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили, Японии.

² Среди участников Регионального всеобъемлющего экономического партнерства страны — члены АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 6 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

³ Republican Platform 2016. RNC. Cleveland ; Ohio, 2016.

⁴ U. S. International Trade in Goods and Services. Japan. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/international/factsheet/factsheet.cfm?Area=000> (accessed: 04.02.2017)

в ВВП устойчиво снижается, и соответственно увеличению числа рабочих мест. Но в долгосрочном плане дело не только и даже не столько в продукции иностранных конкурентов на американском рынке, «отнимающих рабочие места», а в реалиях постиндустриального мира, новых технологий, изменивших потребности экономики в рабочей силе, отраслевую структуру, формы и характер занятости. Эти изменения носят длительный системный характер с далеко идущими последствиями на национальном и международном уровнях. Не стоит забывать и о том, что в ответ на ограничение доступа импорта на американский рынок могут быть приняты меры, которые затронут экспортное производство США, обеспечивающее 11,5 млн рабочих мест¹.

При рассмотрении возможностей и рисков осуществления предвыборных обещаний президента Трампа для США и глобальной экономики нельзя не учитывать состояние государственных финансов и экономическую ситуацию в Соединенных Штатах. Несмотря на то что с 2010 года в США наблюдался экономический подъем, среднегодовой темп роста американской экономики в годы президентства Обамы составил всего 1,5 % — один из самых низких в истории в расчете на президентские периоды. Ключевые количественные показатели в последние годы демонстрировали положительную динамику, но *темпы* экономического роста остаются неустойчивым (1,6 % в 2016 г.), а динамика многих других индикаторов, принципиально важных для оценки социально-экономической ситуации, демонстрирует широкий спектр накопленных проблем. Это снижение экономической активности населения, увеличение масштабов задолженности по студенческим займам; крайне медленное спустя девять лет после начала кризиса уменьшение доли населения с доходом ниже черты бедности. Уровень безработицы, составивший в декабре 2016 года в среднем по стране 4,7 %, по отдельным группам населения достигает: среди латиноамериканской молодежи 16–19 лет — 18,3 %; среди афроамериканцев того же возраста — 25,7 % (декабрь 2016 г.)².

В отличие от предыдущих посткризисных периодов, когда вслед за восстановлением экономического роста в США наблюдалось улучшение социальных показателей, в первой половине текущего десятилетия их возврат к докризисным значениям существенно отставал от оживления в экономике. Произошло ослабление влияния фактора экономического роста на социальное благополучие. В 2015 году доля американцев с доходом ниже черты бедности (13,5 %) была все еще выше, чем в докризисном 2007-м (12,5 %); а число американцев, получающих продовольственные талоны, за период с 2009 по 2016 год даже возросло — с 33,5 млн человек до 45,4 млн.

Ценой отмеченных итогов президентства Обамы стало беспрецедентное увеличение государственного долга США, достигшего на 1 февраля 2017 года 19,9 трлн долларов, или 62 тыс. долларов в среднем на каждого американца, включая младенцев. Если при

передаче полномочий Дж. Бушем-младшим, который был президентом США в 2001–2008 годах, государственный долг относительно ВВП составлял 70 %, то при передаче полномочий президентом Б. Обамой — 106 %.

В текущем столетии политика Соединенных Штатов осуществлялась в условиях бюджетного дефицита с 2002 финансового года. Однако если в докризисный период ежегодные размеры дефицита были в диапазоне 150–450 млрд долларов, то в 2009 финансовом году дефицит федерального бюджета возрос до 1,4 трлн долларов.

В последующие годы дефицит федерального бюджета уменьшился, став хроническим, но продолжал оставаться на рекордно высоком уровне (587 млрд долл. на 2016 ф. г.), вызывая дальнейший рост государственного долга и выплачиваемых по нему процентов. При этом около трети его объема приходится на иностранных держателей, среди которых лидировали, с портфелями свыше 1 трлн долларов, по данным на ноябрь 2016 года, Япония (1,11 трлн) и Китай (1,05 трлн)³. К тому же задолженность перед Федеральным фондом пенсионного страхования (2,8 трлн долл.) существенно превышает объемы американских казначейских облигаций у Японии и Китая, вместе взятых.

Таким образом, 14 % общего объема государственного долга (19,9 трлн долл.) де-факто финансируется будущими пенсионерами. Пенсионные средства остаются одним из ключевых и наиболее надежных источников обеспечения государственного долга и в перспективе. Даже по наименее благоприятному прогнозу резервы Федерального фонда пенсионного страхования составят в 2021 году 2,5 трлн долларов, а по наиболее благоприятному — 3,1 трлн долларов. Все эти накопления, согласно Закону о социальном обеспечении 1935 года, могут быть инвестированы только в государственные ценные бумаги. Судя по прогнозам динамики государственного долга, эти средства будут исключительно востребованными. По оценкам Бюджетного управления Конгресса, произведенным еще до избрания Дональда Трампа президентом, в 2021 году государственный долг составит 23,2 трлн долларов, но в 2017 году эти прогнозы пересматриваются в сторону повышения.

От такого (*долгового*) наследства нельзя отказаться президентским указом. Но каким образом будет реализовано требование «наложить жесткие ограничения на дальнейший рост государственного долга и ускорить погашение триллионов долларов долговых обязательств с тем, чтобы вновь подтвердить свои принципы ответственного государства», в программе республиканцев не уточняется⁴. При любом сценарии состоянии государственных финансов обещает быть серьезным препятствием на пути реализации республиканской программы, предполагающей, в частности, «снятие ограничений на рост военных расходов» при одновременном снижении налогов.

¹ Employment and trade. URL: <http://www.trade.gov/mas/ian/employment/> (accessed: 20. 01.2017).

² The Employment Situation // US BLS. 2017. Febr. 3.

³ Major Foreign Holders of Treasury Securities. US Treasury. Washington, 2017. Jan. 18.

⁴ Republican Platform 2016. RNC. Cleveland ; Ohio, 2016

Новая политика Вашингтона с весьма неоднозначными, в том числе и для самих США, последствиями, дает мощный импульс для «перезагрузки» мирохозяйственных связей, переосмысления глобализационных процессов.

«Какой может быть правовая, политическая, экономическая основа нового миропорядка, которая обеспечила бы стабильность и безопасность, при этом поощряла бы здоровую конкуренцию, не допускала формирование новых монополий, блокирующих раз-

витие? Вряд ли кто-то может дать сейчас абсолютно исчерпывающие, готовые рецепты. Здесь потребуются длительная работа при участии широкого круга государств, мирового бизнеса, гражданского общества...»¹. Трансформации, происходящие на национальном, региональном, глобальном уровнях, меняют представления о центрах силы, ориентирах развития и наряду с сопутствующими рисками открывают новые возможности для корректировки правил взаимодействия и согласования позиций.

¹ Путин В. В. Мировой порядок: новые правила или игра без правил? : выступ. на заседании Междунар. дискус. клуба «Валдай», 24 октября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>